

Олег АНАНЬИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОНТОЛОГИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ*

В статье обобщается опыт обращения экономистов к онтологическому знанию. Ставится вопрос о его роли в качестве теоретической базы методологии экономической науки. В качестве примера анализируется онтологическая природа и предпосылки интеграции институтов в экономическую теорию.

Ключевые слова: методология экономической науки, онтологическое знание, профессии, экономические институты, экономические теории

Экономическая наука меняется. Это связано не только с очевидными переменами: появлением новых научных школ и направлений, освоением новых методов исследования, но и с процессами, затрагивающими глубинные стереотипы экономико-теоретического мышления. Какую реальность изучает экономист? Какие из стандартных предпосылок теории по-прежнему заслуживают доверия, а какие — нуждаются в ревизии? Эти и другие подобные вопросы настойчиво стучатся в двери, хотя в общей повестке дня профессионального сообщества пока мало заметны. Но они уже стали предметом обсуждения экономистами-методологами, заметно изменив повестку дня в этой более узкой области.

Постановка задачи

Общая картина экономической реальности, или частная онтология, *задается системой базовых понятий* — категорий, вокруг которых складываются понятийные структуры, формирующие идеальные объекты, призванные отображать свойства и закономерности объектов реального мира. Частные онтологии — главный источник профессиональной интуиции; они предопределяют спектр исследовательских стратегий в своей области. Несмотря на подобную стратегическую роль в процессе познания, онтологии, будучи составной частью того, что Томас Кун назвал *научной парадигмой*, обычно принимаются в научном сообществе как нечто само собой разумеющееся и потому не требующее обоснования.

*Статья подготовлена на основе доклада О.И. Ананьина «Онтологические предпосылки экономических теорий». М.: ИЭ РАН, 2013.

Это чревато проблемами двоякого рода. С одной стороны, некритическое к ним отношение может превратить категориальные структуры из инструмента познания в его оковы, препятствующие освоению новых предметных полей. С другой — их адаптация к меняющимся условиям может происходить неявно, вызывая эрозию содержания привычных понятий. Дело в том, что значение терминов и, соответственно, реальное содержание категорий определяется не формальными дефинициями, а их местом в категориальной структуре, т.е. отношением с другими элементами этой структуры. Соответственно, изменения в таких структурах — если они остаются неосознанными — могут порождать терминологическую путаницу¹, обесценивая главное преимущество языка науки — его недвусмысленность. Для экономической науки более характерна вторая проблема. Язык Адама Смита и в наши дни широко используется в экономической литературе, тогда как система понятий, в которой мыслит современный экономист, *существенно отличается от смитианской*. Эрозия содержания традиционных понятий — результат парадигмальных сдвигов, прежде всего вызванных маржиналистской революцией конца XIX в.

Невнимание к онтологиям не случайно. Методология экономической науки долгое время была преимущественно нормативной. Она утверждала и защищала определенные модели научного экономического знания и познания. Причем начиная с 30-х гг. XX в. это были, как правило, разные версии позитивистской науки. Экономисты-теоретики Поль Самуэльсон и Морис Алле, Милтон Фридмен и Василий Леонтьев, методологи Теренс Хатчисон и Марк Блауг — наиболее яркие выразители этой тенденции.

Трансформация экономической методологии в субдисциплину экономической науки произошла сравнительно недавно — в 70-80-е гг. XX в. — и была во многом обязана повороту в сторону дескриптивизма сначала постпозитивистского, а затем постмодернистского толка. Это обеспечило методологов своей специфической предметной областью, избавило их от роли простых трансляторов установок философии науки. Но сближаясь с историей экономической мысли, методология порой становилась своеобразной антропологией — изучение экзотического племени «эконов»² знакоило с тем, «как экономисты объясняют»³, прогнозируют, моделируют, убеждают, лукавят и т.д. Следующий необходимый шаг — понять, на чем базируется этот новый корпус знания, каково его теоретическое основание. Ибо, как подсказывает методология науки, научные описания не бывают теоретически нейтральными, и дескриптивная экономическая методология не может быть исключением из этого правила.

Поиск ответа на эти вопросы закономерно ведет к экономическим онтологиям. Более того, попытки такого рода нетрудно найти в предше-

¹ Характерный пример такого эффекта выявился в ходе известного «спора двух Кембриджей» по теории капитала в начале 1960-х гг. Проблема заключалась в том, что абстрактное понятие «капитал», по умолчанию предполагавшее однородность обозначаемого явления, использовалось в теоретических моделях, где такая предпосылка была некорректной (см.: Коэн А., Харкорт Дж. Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала // Вопросы экономики. 2009. № 8).

² Лейонхуфвуд А. Жизнь среди экононов // THESIS. 1993. Т. I. Вып. 3. С. 347–359.

³ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 2004.

ствующей истории методологической рефлексии в экономической науке: фактически выделение уровня знания, промежуточного между теорией и здравым смыслом — уровня научных онтологий — произошло раньше, чем оно было осознано философски. Об этом шла речь в статьях Т. Веблена о предрассудках экономической науки на рубеже XIX–XX вв. Это же подразумевалось шумпетеровским концептом «видения». С такого рода знанием безуспешно пытался размежеваться М. Фридмен в своем методологическом очерке 1953 г. Онтологическое знание обрело, наконец, «права гражданства» в научной литературе на пост-позитивистской волне, когда экономисты стали примерять к своим теориям «парадигмы» Т. Куна и «исследовательские программы» И. Лакатоша. Лучшие образцы современной методологической литературы продолжают эту линию, объясняя различные явления и тенденции развития научной мысли на основе тщательного анализа ее онтологических предпосылок.

Интерес к онтологиям не умаляет значения теорий — у тех и других разные функции. Теоретическое исследование призвано открывать новые факты и закономерности, онтологический анализ — выявлять скрытые предпосылки, лежащие в основании соответствующих теорий, воссоздавать их реальный контекст и смысл, обеспечивать необходимый фон для сравнения конкурирующих теорий и структурирования накопленного запаса знаний. Онтологии фиксируют типы элементов экономической реальности, которыми оперируют соответствующие теоретические структуры (будь они событиями или структурами, наблюдаемыми объектами или ненаблюдаемыми сущностями), а также типы свойств этих элементов, связей и отношений между ними. Они специфицируют пространственные и временные характеристики элементов, их однородность или неоднородность, а также свойства, задаваемые их формальными определениями (делимостью, выпуклостью и т.п.).

Опыт анализа экономических онтологий

Одной из ранних осознанных попыток выявить экономические онтологии мы обязаны Торстейну Веблену.

Вебленовские «предрассудки»

В серии статей, опубликованных на рубеже XIX–XX вв. под общим названием «*Preconceptions of economic science*» — «Предпосылки...» или «Предрассудки экономической науки», Веблен заявил о стремлении проследить «последовательность в развитии того, что можно назвать канонами экономической реальности; или — иными словами — ... точки зрения, с которой препарировались и оценивались факты в интересах экономической науки». Такие каноны он связал с «просвещенным здравым смыслом» эпохи, не отрицая при этом их метафизического характера: «это нечто вроде предрассудка, принятого некритически, но используемого для критики и демонстрации всего того, с чем наука имеет дело... Метафизика, лежащая в основе целей и методов научных исследований, ...меняется постепенно и конечно же неполно, подобно тому,

как это происходит с метафизикой обычного права или реестром гражданских прав»⁴.

Веблен хотел убедить коллег-экономистов в том, что их наука приблизилась к точке, когда принятые «духовные ориентиры», они же — «основания для окончательных оценок фактов, трактуемых с позиции теории», потребуют замены. Он утверждал, что предшествующие поколения экономистов отличала общая приверженность к телеологическому или «таксономическому» теоретизированию, т.е. *вера в некую предопределенную или единственно верную систему*, либо некий правильный тренд развития, относительно которых следовало оценивать любые факты.

У физиократов эта установка приняла телеологический и даже теологический вид: «Телеологический элемент, или элемент предрасположенности мыслится... как всеобъемлющий естественный (природный) порядок в целом». Теологический же элемент призван узаконить такой взгляд: «...в физиократической схеме мироздания за спиной Природы и механизма ее действия находится Создатель, чьей премудрой и благодатной властью был установлен естественный порядок во всей силе и великолепии его непоколебимого и неизменного совершенства»⁵.

Предрассудки А. Смита Веблен реконструировал сходным образом, но с большим упором на причинность и меньшим — на телеологию: «Применительно к экономической теории человек мыслится последовательно эгоистичным; но этот экономический человек — часть механизма природы, и его эгоистическое движение — не более чем средство, которым в условиях естественного хода вещей достигается всеобщее благосостояние»⁶. Он подчеркивал, что для Смита «„естественное“ обычно имеет то же значение, что и „реальное“, однако и то, и другое противопоставляются „действительному“». При этом «расхождение между действительным, причинно детерминированным положением и тем, что соответствует божественному замыслу, служило метафизическим основанием всех тех проповедей моральности и просвещенной политики, которые занимают столь значительное место в работе Адама Смита»⁷.

⁴ *Veblen Thorstein*. The preconceptions of economic science. Part III. // The Quarterly Journal of Economics, 1900. Vol. 14. No 2. (Цит. по: *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. NY: Russell & Russell. 1961. P. 148–149). Нельзя не заметить созвучность мысли Веблена знаменитой, но гораздо более поздней концепции научной динамики Томаса Куна: «Каноны знания имеют характер мыслительных привычек (*habits of thought*). Что верно в отношении, например, сферы права и институтов, верно и для области науки. То, что люди научились воспринимать как благо и надежный ориентир в поведении и человеческих взаимоотношениях, остается верным, надежным и неоспоримым до тех пор, пока требования изменившейся ситуации не заставляют корректировать нормы и каноны прошлого, побуждая менять мыслительные привычки, определяющие, что на это время правильно в человеческом поведении» (Ibid., p. 149).

⁵ *Veblen Thorstein*. The preconceptions of economic science. Part III // The Quarterly Journal of Economics, 1899. Vol. 13. No 2 (цит. по: *Idem*, p. 92–93).

⁶ *Veblen Thorstein*. 1899. The preconceptions of economic science. Part II / The Quarterly Journal of Economics, 1899. Vol. 13. No 4 (цит. по: *Idem*, p. 115). Стоит отметить, что Дэвид Юм, по оценке Веблена, не вполне вписывался в эту общую традицию; Юм, по его выражению «перебританивает британцев» в своем настойчивом следовании факту и слишком современен (*modern*), чтобы пребывать в согласии с «модными тогда предрассудками» (Ibidem, p. 97).

⁷ Ibidem, p. 116, 117.

После Смита таксономический подход, по мнению Веблена, по-прежнему господствовал, но *принял новые формы*. Первую важную подвижку он связывал с утилитаризмом Бентама, влияние которого «на мыслительные привычки образованной публики» выразилось в том, что «критерием легитимности знания вместо достижения конечной цели стал гедонизм (полезность)». В результате, и в этике, и в экономике «человеческая деятельность конструируется в терминах причинной зависимости от сил среды, а индивид трактуется, в лучшем случае, как промежуточный механизм...». Соответственно, «экономическая теория становится теорией того, что должно произойти в той итоговой ситуации, где денежные величины будут перемещаться без помех и задержек... Такая система совершенной конкуренции с ее безупречным “экономическим человеком”, это подвиг научного воображения, но она не рассчитана на то, чтобы компетентно выражать факты... Но, как случается в подобных случаях, однажды принятое и усвоенное как реальное, пусть, возможно, и не как действительное, становится действенной составляющей мыслительной привычки исследователя и начинает формировать его знание фактов»⁸.

Утилитаристский сдвиг привел, по Веблену, к переосмыслению базовых экономических категорий: «У Адама Смита ценность обсуждается с точки зрения производства. У утилитаристов производство обсуждается с точки зрения ценности. Для первого ценность — это результат процесса производства, для последних производство — это результат процесса оценивания»⁹.

Тенденция воспринимать явления «скорее в терминах процесса, чем результата» в дальнейшем, считал Веблен, *только усиливалась*. И хотя то был шаг к более «динамичному» взгляду на экономику, в основе его лежала «мода... на подражание (физическим) наукам — в отношении метода и ради легитимизации идеалов научной теории». Вместе с такими идеалами было воспринято и то представление, «ставшее общим местом в естествознании, согласно которому „естественные законы” имеют характер простых эмпирических обобщений, а то и вовсе средних арифметических величин». Как следствие, таксономический подход выжил в новом обличье — как «теория нормального случая, или обсуждение конкретных фактов жизни с точки зрения степени их приближения к нормальному случаю»¹⁰.

Сам Веблен ратовал за альтернативную исследовательскую стратегию, не привязанную к какому-либо единственно верному состоянию, как бы оно ни определялось — телеологически, равновесно или просто как средне «нормальное». Он стремился к теории «кумулятивно разворачивающегося процесса», т.е. — в русле исходной биологической метафоры — такого типа процесса, траектория которого определяется шаг за шагом действующими «правилами игры», которые на каждой его стадии, в свою очередь, могут меняться.

Таким образом, вебленовская статья о «предрассудках» экономической науки *намечала масштабный проект пересмотра общей перспективы*, в

⁸ Ibidem, p. 133, 142–143.

⁹ Ibidem, p. 132.

¹⁰ Ibidem, p. 158, 160, 164.

рамках которой поколения экономистов воспринимали и осмысливали экономические явления. Пересмотру подлежали два ключевых момента: понятие экономического агента и его характеристик, с одной стороны, и представление о порядке, который интегрировал поведение агентов, — с другой.

Однако этот проект так и не получил развития: ни в теоретической его части, ни в методологической. Идея анализировать онтологические предпосылки экономических теорий настолько диссонировала с позитивистскими настроениями своей эпохи, что была попросту проигнорирована.

Шумпетеровские «видения»

Введя в научный оборот понятие «видения», Шумпетер положил начало процессу реабилитации онтологических исследований в экономической науке. И хотя «видение» выступало антиподом «анализа» главного героя всего шумпетеровского историко-научного проекта, роль, которая ему отводилась, оказалась, тем не менее, достаточной, чтобы привлечь к себе внимание профессионального сообщества задолго до заката позитивистского доминирования (с его выраженной антиметафизической направленностью) как в философии науки, так и в экономике.

Шумпетер определял «видение» как «первое восприятие или впечатление от явлений, которые предстоит исследовать»¹¹, как «смесь восприятия и донаучного анализа»¹², или как «преданалитический акт познания, поставляющий материал для анализа» (с. 49). На базе этого понятия Шумпетер развернул целую теорию когнитивного процесса, которую можно реконструировать его же словами следующим образом.

В процессе научного исследования ученый последовательно должен осуществить несколько стандартных операций:

- «выделить ряд явлений, которые намерен исследовать» (с. 736), «распознать их как объекты, каким-то образом связанные между собой и отличные от других» (с. 55);
- «„интуитивно“ составить предварительное представление о том, как они сочетаются друг с другом, или, иначе говоря, о том, что... является их основными свойствами» (с. 736-7);
- собрать «новые эмпирические данные (факты), с помощью которых мы обогащаем и проверяем ранее полученные» (с. 55), а, возможно, и «разочаровываемся в надежности некоторых фактов, входивших в наше первоначальное видение» (с. 51);
- «облечь наше видение в слова или концептуализировать его таким образом, чтобы его элементы, обозначенные определенными терминами (что облегчит узнавание и работу с ними), заняли свое место в более или менее упорядоченной схеме или картине» (с. 51)¹³.

¹¹ Шумпетер Й. А. История экономического анализа в трех томах. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 748 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте в виде скобок с указанием страницы).

¹² Шумпетер Й. Наука и идеология / Философия экономики. Антология. Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 253.

¹³ Шумпетер подчеркивает, что это сложный и долгий процесс: «ученая братия медленно, в процессе проб и ошибок, познает, что важно, а что неважно в „объяснении“ рассматриваемых явлений» (с. 736).

В итеративном процессе взаимодействия видения с другими составляющими исследовательской работы и возникает, по Шумпетеру, подлинное научное знание: «изучение фактов и „теоретическая” работа, без конца обогащая и проверяя друг друга, ставя друг другу новые задачи, в конце концов создают *научные модели*, временные продукты их взаимодействия, сохраняющие некоторые элементы первоначального видения, к которому предъявляются все более жесткие требования адекватности и последовательности» (с. 51). Он подчеркивал, что роль видения не исчерпывается начальной фазой процесса: «...видение не только исторически предшествует любой аналитической работе, но и может вторгнуться в историю уже сложившейся науки. Это происходит тогда, когда кто-то учит „*видеть*” вещи в новом свете, никак не обусловленном фактами, методами и результатами, характерными для предыдущей стадии развития науки» (с. 49).

Для самого Шумпетера видение – это кроме прочего «широкие ворота, через которые в процесс входит идеология»¹⁴. Оно «воплощает в себе картину вещей, как мы их видим, и если есть хоть какой-то мотив, побуждающий нас видеть их так, а не иначе, то можно не сомневаться, что то, *как* мы их увидим, вряд ли будет отличаться от того, как нам хочется их видеть»¹⁵. Фиксируя канал проникновения идеологии, Шумпетер стремится придать взаимодействию «видения» и «анализа» более рациональный характер: «...*идеологии не являются просто ложью*; это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит»¹⁶.

Общий вывод Шумпетера в отношении роли видения «диалектичен»: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно... Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись»¹⁷. В «Истории экономического анализа» формулировка еще решительнее: «...самые значительные достижения в науке рождаются не из наблюдения, экспериментов и логического резонерства, а из феномена, который лучше назвать видением и который сродни акту художественного творчества» (с. 144 – перевод уточнен)¹⁸.

Правда, собственные попытки Шумпетера применить понятие «видения» к специфическим авторам и научным школам оказались не очень убедительными. Они явно избирательны и непоследовательны. В различных контекстах «видение» трактуется неодинаково. Можно выделить, как минимум, три его применения.

Во-первых, оно использовалось в персональных характеристиках: отдельных авторов Шумпетер оценивал на предмет наличия у них «видения» как способности к оригинальному мышлению. Подобной

¹⁴ Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. New York: 1954. Oxford University Press. P. 42.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Шумпетер Й. Наука и идеология... С. 252.

¹⁷ Там же. С. 264.

¹⁸ Впрочем, к этому выводу Шумпетер сделал важную оговорку, продолжив: «Однако результаты видения следует доказать с помощью логической (рациональной) процедуры, требуемой определенными профессиональными стандартами» (там же).

привилегии удостоились столь разнопорядковые фигуры, как Св. Антонин из Флоренции и Джеймс Андерсон, Генри Кэри и У.С. Джевонс.

Во-вторых, в ряде случаев «видение» ассоциировалось с пронизательностью оценок конкретных исторических ситуаций. Примерами тут могут служить оценка Фридрихом Листом перспектив немецкой нации¹⁹ и образ «дряхлающего английского капитализма», лежавший, по Шумпетеру, в основе позднейших аналитических достижений Дж. М. Кейнса (с. 49–50). В подобных случаях видение создает предпосылки для возможных теоретических прорывов, но отнюдь их не предрешает, как это случилось, по оценке Шумпетера, с Генри Кэри, чье «великое видение... не зависело от его плачевного аналитического воплощения» (с. 675–676).

Наконец, Шумпетер использует «видение» или близкие термины для обозначения организующей идеи, лежащей в основе теоретической системы. В подобных случаях речь идет скорее о *видении*, характерном для научной школы, чем отдельного ученого.

Так, он указывает на «механистический взгляд» как «важный элемент в экономической картине мира „классиков”» (с. 751). В другом месте, посвященном общей оценке маржиналистской мысли, в манере, перекликающейся с Вебленом, Шумпетер пишет, что «все ведущие теоретики того времени, такие как Джевонс, Вальрас, Менгер, Маршалл, Виксель, Кларк и др., представляли себе экономический процесс по большей части так же, как Дж. С. Милль или даже А. Смит. Иными словами, *они ничего не добавили* к идеям предшествующего периода относительно того, что именно происходит в экономическом процессе и как в общем и целом это процесс „работает”... Их экономический мир, как и у „классиков”, был миром многочисленных независимых фирм. С удивительным постоянством они продолжали рассматривать случай конкуренции не только как стандартную ситуацию, которую целесообразно моделировать теоретику для достижения определенных целей, но и как нормальную ситуацию в действительности» (с. 1176–1177).

Если первое из перечисленных толкований видения – инструмент историка экономической мысли, а второе – относится скорее к сфере экономической политики, то последняя версия «видения» – это чистый случай экономических онтологий и предмет методологии теоретической экономики. Характерно, что в подобных случаях видение выражено в терминах («фирмы», «конкуренция» и т.п.), имеющих смысл как в обычной речи, так и на языке теории, и включает эмпирически или логически содержательные суждения, которые можно, как минимум, оспаривать. Взять хотя бы приведенное выше утверждение Шумпетера о том, что картина мира у классиков и маржиналистов состояла из множества фирм. Его можно оспорить хотя бы из-за несогласованности с другим утверждением того же автора, что в период до 1870 г. теоретическая

¹⁹ «Видение» Листа определялось, согласно Шумпетеру, его специфическим углом зрения: «... реальным объектом его размышлений было будущее нации, а настоящее он считал не более чем переходным состоянием. Он понял, что в переходном, по сути, состоянии теряет смысл такая политика, которая связана с управлением существующим комплексом условий, рассматриваемых как перманентные» (с. 660).

модель, «т.е. сознательная попытка систематизации понятий и зависимостей... развивалась по образцу Кантильона–Кенэ», основанному на методе «*Экономической таблицы*», который заменил «миллионы связей или потоков между отдельными фирмами и домохозяйствами... связями между классами или потоками агрегатных величин между классами» (с. 312, 737).

Важно в этом примере не то, что шумпетеровские видения можно заподозрить в предвзятости²⁰ – Шумпетер, как отмечалось, считал это неизбежным, – а то, что видения, коль скоро они тесно связаны с соответствующими теориями, могут служить полезной опорой методологу, анализирующему и оценивающему экономические теории.

Фридменовские «предпосылки»

Знаменитый методологический очерк Милтона Фридмена демонстрирует значимость анализа экономических онтологий методом «от обратного». На первый взгляд центральная идея очерка о том, что от предпосылок теории не следует требовать реалистичности, отвергает онтологические аргументы в принципе, «с порога». Однако при ближайшем рассмотрении дело обстоит не так, ибо фридменовское обоснование незначимости стандартных предпосылок неоклассической экономической теории для ее выводов строится на их подмене, иначе говоря, как раз на манипуляциях с онтологическими предпосылками.

Целью Фридмена было защитить неоклассическую теорию от критиков, утверждавших, что в ее основе лежит предпосылка о максимизирующем прибыль поведении фирмы, которая, судя по опросам предпринимателей, эмпирически не подтверждалась. В контексте вальрасианской теории общего равновесия эта предпосылка имела принципиальное значение, т.к. система равновесных цен предполагала согласованность хозяйственных планов и взаимных интересов всех участников рынка, т.е. именно максимизацию их доходов при заданных ресурсных ограничениях.

Избранная Фридменом стратегия защиты неоклассической теории строилась на том, что прямое тестирование гипотезы максимизации затруднительно и ненадежно, и потому приходится ориентироваться на косвенные аргументы, прежде всего на механизм «естественного отбора». Словами Фридмена, он «помогает... обосновать нашу гипотезу, или, точнее, при наличии естественного отбора важным аргументом в пользу принятия гипотезы может быть то, что она должным образом обобщает условия выживания фирмы»²¹.

Сославшись на эволюционный механизм отбора, Фридмен – вопреки своим декларациям – вышел непосредственно на уровень онтологических предпосылок теории. Во-первых, он пошел на ослабление исходной предпосылки, допустив, что гипотеза максимизации не обязательно относится ко всем фирмам. Во-вторых, ослабление этой пред-

²⁰ *Maneschi Andrea*. Schumpeter's 'vision' as filter for his evaluation of other economists' visions. Vanderbilt University. 2000. WP 00-W17. / URL: <http://www.vanderbilt.edu/econ/wparchive/workpaper/vu00-w17.pdf>

²¹ *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки / *Философия экономики*. Антология. Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 196.

посылки он сопроводил сменой механизма, обеспечивающего равновесие: координацию между агентами Фридмен подменил эволюционным отбором, т.е. качественно иным предметом теоретического анализа. По оценке М. Блауга, «активно опираясь на тезис Алчиана²², Фридмен на самом деле отрекается от методологического индивидуализма... вместо того, чтобы выводить глобальные проверяемые прогнозы из локального рационального действия индивидов, микроэкономические прогнозы выводятся с помощью нового типа причинного механизма, а именно динамического процесса отбора... Это — не бихевиористская интерпретация традиционной теории, а скорее новая теория»²³.

В результате при обсуждении вопроса о реалистичности предпосылок Фридмен фактически отбросил стандартную неоклассическую теорию фирмы и взял на вооружение новую — эволюционную — теорию, которая, впрочем, как позже выяснилось, была не вполне корректной²⁴. Иначе говоря, в стремлении доказать незначимость вопроса о реалистичности (онтологических) предпосылок экономической теории он неявно ввязался в сугубо онтологический спор об агентах, их свойствах и природе изучаемых процессов.

Онтологический анализ в современной экономической методологии

Следующий этап в разработке экономических онтологий совпал с формированием экономической методологии в качестве самостоятельной субдисциплины экономической науки. В основе этого процесса лежало переосмысление логики развития экономической мысли сквозь призму постпозитивистских концепций Т. Куна и особенно И. Лакатоша. С этой целью в корпусе экономического знания выделялись научно-исследовательские программы, для каждой из которых идентифицировались их «жесткие ядра», а фактически — онтологии: неопровержимые в рамках исследовательской программы наборы базовых предпосылок. Так была создана почва для того, чтобы уже в 1990-е гг. в экономический дискурс вошел и сам термин «онтология»²⁵.

С этого времени изучение экономических онтологий не ограничивалось простым описанием предпосылок или «видений» экономистов, становясь необходимым инструментом анализа теоретического знания. Характерным примером такого анализа может служить концепция «социально-экономических машин» известного английского философа науки Нэнси Картрайт.

Стандартное представление о природе экономических теорий не соответствует, согласно Картрайт, их реальному статусу. Следуя канонам

²² Под «тезисом Алчиана» имеется в виду идея из статьи Армена Алчиана 1950 г. применить эволюционный принцип естественного отбора к анализу рыночного поведения (см.: Алчиан А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория / Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006).

²³ Блауг М. Указ. соч. С. 175–176.

²⁴ См., напр.: Winter S. Economic «Natural Selection» and the Theory of the Firm // Yale Economic Essays, 1964, No 4, 225-72; Hodgson G.M. Economic evolution: intervention contra Pangloss // Journal of Economic Issues. 1991. Vol. XXV. No 2. P. 519-33.

²⁵ См.: Lawson T. Economics and Reality. L.: Routledge. 1997; The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Ed. by U. Mäki. Cambridge: Cambridge University Press. 2001; Contributions to Social Ontology. Ed. by C. Lawson, J. Latsis and N. Martins. London: Routledge. 2007.

естествознания, многие экономисты склонны верить, что они имеют дело с универсальными закономерностями, связывающими между собой эмпирически наблюдаемые события. Разумеется, с оговоркой – явной или подразумеваемой – о «прочих равных условиях». Именно за этой оговоркой и скрывается проблема, на которую обратила внимание Картрайт.

Типичная форма выражения закона природы – «уравнение или вероятностное распределение, определяемое на множестве измеримых величин»²⁶. Такая формулировка закона не позволяет осуществить качественное разграничение основных факторов, фиксирующих закономерную связь, и факторов, лишь обуславливающих их действие. И те и другие должны быть включены в уравнение и получить количественную оценку. В экономике и других общественных науках оговорка о «прочих равных условиях» имеет, как правило, иной смысл. Здесь, как ранее отмечал М. Блауг, «вполне привычно говорить о тенденциях при неспецифицированных прочих равных условиях, объединяющих все, что неизвестно, а если известно, то лишь на качественном уровне»²⁷. В отличие от Блауга, который лишь посетовал на несовершенство экономических теорий, Картрайт пошла дальше. Выводы, полученные подобным способом, она назвала ложными, а путь, избранный экономической наукой, – ошибочным.

Альтернативная интерпретация того, чем занимается экономист-теоретик, равно как и ученые других специальностей, потребовала выхода на онтологический уровень анализа. Цель научного поиска, согласно Картрайт, – не универсальные закономерности на уровне явлений, а «раскрытие природы вещей – поиск сил и свойств (*capacities*), которыми они обладают, а также условий и способов, благодаря которым эти свойства могут быть использованы для получения ожидаемых эффектов»²⁸. С этой точки зрения регулярности на уровне явлений вторичны. Они возникают как следствие функционирования взаимосвязанной системы факторов, которую можно представить как некий механизм, или – применительно к экономике – как «социально-экономическую машину».

Свою мысль Картрайт иллюстрирует механизмом денежного мультипликатора, включающего центральный банк, систему коммерческих банков, резервные требования и соотношение наличности и депозитов. При определенных – «прочих равных» – условиях действие этого механизма порождает эмпирически наблюдаемые и прогнозируемые регулярности. Таким образом, теория мультипликатора описывает механизм, встроенный в специфическую структуру дополнительных условий. В принципе, возможно построение и других моделей, которые будут описывать тот же самый механизм, но при других структурах «прочих равных условий», и которые будут генерировать другие эмпирические регулярности. А это означает, что между теоретической моделью, описывающей «социально-экономическую машину», и закономерностями, наблюдаемыми эмпирически, нет необходимой связи. Ключевой вопрос – это выбор модели,

²⁶ *Cartrwright N.* Ceteris paribus laws and socio-economic machines / The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Ed. by U. Młki. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. P. 276.

²⁷ *Blaug Mark.* Methodology of Economics, or How Economists explain. Cambridge: Cambridge University Press. 1980. P. 67.

²⁸ *Cartrwright N.* Op. cit. P. 276–277.

и здесь, делает вывод Картрайт, «весь набор изощренных, прежде всего статистических, методик для тестирования предполагаемых регулярностей, не поможет»²⁹.

Обращаясь к *реалистической* онтологии сил и механизмов в противовес *феноменологической* онтологии событий, Картрайт решает двоякую задачу: предлагает более реалистическую интерпретацию того, что делает современный экономист-теоретик, но при этом не отказывается от эпистемологической установки, определяющей теорию как пусть фрагментарное, но все же описание реального мира. В этом Картрайт противостоит популярной среди самих теоретиков идеи, что теории – это эвристически полезные, но искусственные конструкции, не имеющие к реальности прямого отношения. Таковы «аналоговые экономики» Р. Лукаса³⁰, «правдоподобные миры» Р. Сагдена³¹, «притчи» А. Рубинштейна³², и этот ряд можно продолжить.

Еще один путь к оправданию подобного способа теоретизирования связан с переносом его в качественно иную – нормативную – плоскость. Может быть, теория описывает некое *Должное*, на которое «несовершенному» *Сущему* следует равняться?

Экономические онтологии и этика

Один из фундаментальных содержательных сдвигов в современной экономической науке связан с переосмыслением отношений между экономикой и этикой. Во времена А. Смита и Дж. С. Милля экономику относили к числу моральных наук. Добропорядочность поведения принималась в качестве предпосылки анализа, а так или иначе понятое общественное благо – в качестве критерия оценки экономической политики. Позже, однако, позитивистская установка побудила к отождествлению научности с эмпирической достоверностью знания, подтолкнула к жесткому размежеванию позитивного и нормативного начал в экономическом познании и широкому распространению в экономическом научном сообществе убеждения в этической нейтральности экономической теории.

Парадокс заключался в том, что вытеснение нормативного начала из экономической теории совпало по времени с распространением маржинализма, или, как его нередко называли, субъективной школы. В домаржиналистскую эпоху, когда экономика старалась идти в фарватере естествознания и онтологически представляла свой предмет как некоторую внешнюю для познающего субъекта реальность, и не просто объективную, но и материальную, позитивное и нормативное знания могли легко сосуществовать, не пересекаясь. Под богатством и общественным продуктом подразумевалось уже созданное богатство и уже произведенный продукт – объекты, которые можно было изучать методами позитивной науки. Нормативное же

²⁹ Ibid., p. 289.

³⁰ Lucas R. E. *Econometric policy evaluation: A critique* / *Studies in Business Cycle Theory*. Cambridge (Ma): MIR Press. 1981.

³¹ Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / *Философия экономики. Антология*. Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012.

³² Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // *Вопросы экономики*. 2008. № 11.

знание ассоциировалось или с представлениями о несуществующих (например, будущих) обществах, либо с «инженерным», рецептурным знанием о том, как решать те или иные стандартные задачи экономической политики.

Но как только экономическая теория стала перестраиваться в науку о поведении, грань между позитивным и нормативным должна была стать менее четкой. Поведение человека не сводится к реагированию на текущие обстоятельства, оно включает предвидение и целеполагание. Для его адекватной характеристики эмпирически наблюдаемых фактов недостаточно: *возможное* и *должное* играют не меньшую роль. Однако позитивистские установки побудили экономистов заняться «очисткой» поведения от всего субъективного и ценностного. Все индивидуальное в поведении концентрировалось в понятии «предпочтений», которые объявлялись неизменными и выводились из самой теории в область ее предпосылок. Оставшиеся характеристики поведения трактовались как процедурно, или инструментально рациональные относительно заданных предпочтений. Это и позволило многим экономистам долгое время пребывать в уверенности, что их теория свободна от ценностных суждений.

Недавний мировой финансово-экономический кризис снова *актуализировал этическую сторону экономики*. Как уже отмечалось ранее, на повестку дня был поставлен вопрос о профессиональном кодексе экономиста³³, об авторской этике для научных журналов по экономике³⁴. Вернулась в дискуссионное поле и тема этической нагруженности экономико-теоретического знания, эмпирическим выражением которой могут служить исследования особенностей поведения экономически образованной части населения³⁵. Из них следует, что по своим этическим установкам данная часть населения более эгоистична.

На уровне методологии речь идет о размывании границы между позитивным и нормативным знанием в целом и «нормативном повороте» в интерпретации экономической рациональности — ключевого понятия неоклассического мейнстрима, — в частности³⁶. Известный экономист-методолог Уэйд Хэндс так характеризовал эту ситуацию: «В некотором смысле строгая дихотомия фактов и ценностей должна была бы уйти (или, во всяком случае, смягчиться) вслед за уходом гегемонии позитивистских философских идей... Нормативное начало (этического или иного свойства) вплетено в экономическое теоретизирование, но чтобы приступить к осмыслению этой вплетенности, нужно признать ее наличие. А это было бы сделать гораздо легче, если бы профессиональное сообщество экономистов было готово „смяг-

³³ DeMartino G.F. The Economist's Oath. On the Need for and Content of Professional Economic Ethics. Oxford: Oxford University Press. 2011.

³⁴ См.: American Economic Association Disclosure Policy / URL: http://www.aeaweb.org/aea_journals/AEA_Disclosure_Policy.pdf

³⁵ Kirchgässner G. (Why) are economists different? CESifo WP № 1396, 2005 / <http://hdl.handle.net/10419/18760>

³⁶ Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики. 2012. № 10.

чить” дихотомию позитивного и нормативного до уровня полезного, но более гибкого разграничения»³⁷.

«Нормативный поворот», о котором пишет Хэндс, был вызван прежде всего развитием поведенческой экономики, которая выявила наличие *систематических отклонений* реального поведения людей *от предполагаемого теорией поведения* экономических агентов. «Теоретическое» поведение на поверку оказалось, как правило, мотивированным утилитаристски, и в этом смысле этически не нейтральным. В то же время отклонения от такого «стандарта» обнаруживали явное влияние иных, не утилитаристских этических норм. Иными словами, можно – вслед за Хэндсом – заключить, что взаимосвязь сущего и должного проявилась в том, что утилитаристское сущее часто возводилось в ранг должного, а должное, как оно складывалось в реальных культурных контекстах, диктовало отклонения реального сущего от сущего «теоретического».³⁸ В этом смысле этические установки людей – это не фактор субъективного искажения некоего «научно обоснованного» поведения, но характеристика их реального поведения, игнорирование которого уже на уровне научной онтологии существенно снижает эвристический потенциал соответствующих теорий.

Таким образом, речь идет об этической компоненте в самом объекте экономического познания, что, разумеется, нельзя смешивать с этической установкой ученого, изучающего такой объект. Например, одно дело – факт наличия коррупции как разновидности неэтичного экономического поведения, другое дело – отношение к этому факту. Отношение к коррупции варьирует, как известно, весьма широко: у одних экспертов оно резко негативное (болезнь, разрушающая общество), у других – скорее примирительное (своеобразная форма общественной самоорганизации). В этом случае дихотомия позитивных и нормативных суждений сохраняет свою силу: одни из других логически не следуют. Правда, отсутствие логической связи не означает отсутствие всякой зависимости. Важнейший канал такого воздействия – описанный Шумпетером механизм проникновения идеологии через видение ученого: этические установки как элемент мировоззрения влияют на постановку исследовательской задачи, формирование предмета и выбор методов исследования. Одно дело, если коррупция считается естественным состоянием общества, другое – если болезненным. Но это лишь подтверждает старую истину, что «чистых» фактов не бывает, и что выявление и осознание собственных предпосылок – это необходимое условие научного характера всякого познания, в особенности социального.

Итак, обращение к онтологическому уровню знания оказывается необходимым и при попытках осмыслить тип знания, генерируемый экономистом-теоретиком, и для анализа структуры и новых направлений развития такого знания, и для понимания взаимосвязей научного знания с другими видами человеческого знания.

Стандартное представление о месте онтологического знания можно выразить следующей схемой (см. рис. 1).

³⁷ Hands D.W. The Positive-Normative Dichotomy and Economics / Handbook of the Philosophy of Science. Vol.13: Philosophy of Economics. Ed. by U. Mäki. Amsterdam: Elsevier. P. 237.

³⁸ Ibidem, p. 233–235.

Рис. 1. Стадии познавательного процесса

Дифференциация экономических онтологий

В самом общем виде экономическую реальность можно определить как сферу человеческой деятельности, в рамках которой происходит принятие и осуществление решений, связанных с созданием и использованием благ, удовлетворяющих человеческие потребности. Поскольку в ходе этой деятельности создаются условия для ее поддержания и устойчивого повторения, то экономическую реальность можно представить в виде *циклического процесса*, включающего (см. рис. 2):

- принятие решений об использовании (или передаче) имеющихся ресурсов и прав для создания благ;
- реализацию таких решений, что эквивалентно созданию и первичному распределению общественного продукта;
- перераспределение и присвоение созданного продукта как ресурса и условия дальнейшей деятельности.

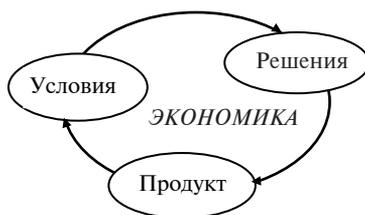

Рис. 2. Цикл экономической деятельности

Каждая последующая фаза цикла предполагает предыдущую, и лишь в единстве они составляют экономическую реальность. При этом фазам цикла соответствуют качественно разнородные в онтологическом отношении процессы. Принятие решений суть ментальные акты, происходящие в сознании субъектов. Производство благ – объективный, как правило, материальный процесс. Воссоздание условий последующей деятельности – феномен одновременно и материальный (воспроизводство ресурсных запасов) и институциональный, связанный с поддержанием отношений и правил, сложившихся в экономической системе.

К теоретическому освоению своего предметного поля экономисты приступили со стороны продукта — материального воплощения результатов экономической деятельности. Усилиями первых теоретиков — Кантильона, Кенэ, Смита и Рикардо — экономическая наука выковала категориальную сетку для анализа производства, кругооборота и распределения общественного продукта. Это прежде всего три триады:

- факторов производства (земля — труд — капитал);
- разновидностей агентов (земельные собственники — рабочие — капиталисты) и типов доходов (рента — зарплата — прибыль);
- обобщающие категории — «стоимость», «цена» и «национальный доход».

Сквозь призму этих категорий экономика представала объективной реальностью, по отношению к которой экономист-исследователь выступал внешним объективным наблюдателем.

Разумеется, экономисты-классики вовсе не сводили экономику к движению «бездушного» продукта. Свою науку они квалифицировали как моральную, имеющую дело с осознанным поведением людей в определенной институциональной среде («в условиях общества», по выражению Д.С. Милля). Однако предполагавшиеся «условия общества» — конкурентная рыночная экономика — обладали тем замечательным свойством, что практически элиминировали влияние индивидуального начала в поведении людей на конечные результаты их деятельности. Значимы в этих условиях лишь усредненный агрегированный спрос и усредненное агрегированное предложение, которые благодаря рыночной конкуренции приходят во взаимное соответствие при наименьших издержках производства. Создаваемый при таких равновесных, или естественных, условиях максимально возможный продукт и служил классикам политической экономии предметом исследования.

Маржиналистская революция перефокусировала внимание *на другую, более раннюю фазу цикла экономической деятельности*: с анализа использования готового продукта на процессы принятия решений по поводу еще не созданного продукта — как на стороне спроса на него, так и на стороне его предложения. В результате картина экономической реальности резко изменилась. Экономисты обратились к миру, в котором агенты оценивают наличные ресурсы и возможности, ожидаемые действия других агентов, вероятные сценарии развития событий, а на основе таких оценок и проекций принимают свои экономические решения.

На первый взгляд элементы этого проектируемого мира мало чем отличаются от элементов классической картины экономической реальности. Здесь можно обнаружить те же разновидности экономических агентов, те же факторы производства и те же виды доходов. Но такое впечатление обманчиво, во всяком случае, в отношении факторов производства и доходов. Если у классиков речь шла о запасах и потоках *реальных ценностей* (в вещественном или денежном выражении), то у маржиналистов — об *ожидаемых* (планируемых, проектируемых, оцениваемых и т.п.) значениях соответствующих величин.

Так, под доходами стала пониматься ожидаемая доходность, под капиталом — оценка капитализации будущих доходов, под равноте-

ем — согласованность предполагаемых решений экономических агентов. Словом, при номинальной преемственности категориальной сетки экономической теории ее понятийный аппарат радикально изменился.

Условием такой подмены был отказ от стоимости как базовой категории, обозначавшей некоторую *объективно* детерминированную сущность, и ее замещение категорией *субъективной* полезности. Изменилась и позиция исследователя: теперь ему потребовалось либо овладеть искусством интроспекции (т.е. способностью проникать в сознание субъекта экономического действия), либо вооружиться субститутами интроспекции в виде надежной и универсальной модели экономического поведения. Австрийская школа пошла первым путем, неоклассика предпочла второй.

Суть дела отнюдь *не сводилась к пересмотру дефиниций*. Качественное различие между реальными и ожидаемыми величинами сказывалось и на их количественных характеристиках. Эту сторону дела хорошо иллюстрирует разграничение величин *ex ante* и *ex post*, введенное Гуннаром Мюрдалем³⁹ для того, чтобы объяснить, *как* общепринятое со времен Смита предположение о *равенстве* сбережений и инвестиций может непротиворечиво сочетаться с допущением их *неравенства*. Разъяснение парадокса сводилось к тому, что в структуре уже созданного общественного продукта сбережения и инвестиции — *ex post* — действительно равны, тогда как в отношении ожидаемых значений этих величин, иначе говоря — *ex ante*, т.е. в планах экономических агентов, их взаимное уравнивание, напротив, мало вероятно.

Нетождественность величин *ex ante* и *ex post* затушевывалась лишь в статических моделях неоклассики. Однако и в них непосредственным предметом анализа служило согласование планов и ожиданий экономических агентов, а характеристики реальных процессов предполагались как их следствие.

Теоретическое отображение институтов как проблема экономической науки

История вопроса

Классическая и маржиналистская картины экономической реальности сходны еще и в том, что *ни в одной из них нет институтов*, хотя в обоих случаях наличие специфической институциональной среды — системы рыночной конкуренции — принимается как предпосылка. Уже Д.С. Милль видел в этом проблему, сетуя, что политэкономы «...склонны выражаться так, как будто думают, что конкуренция действительно всегда совершает то, к свершению чего она имеет тенденцию в теории». Объяснял он и причину такой склонности: «Отчасти это становится понятным, если принять во внимание, что лишь благодаря принципу конкуренции политическая экономия имеет право притязать на научный характер. В той мере, в какой размер ренты, прибыли, заработная плата и цены определяются конкуренцией, для них можно установить законы... и от политической экономии, как от абстрактной, или гипоте-

³⁹ Myrdal G. Monetary Equilibrium. L.: Hodge. 1939 (German ed. — 1933).

тической, науки, нельзя требовать, чтобы она сделала нечто большее, да на большее она и неспособна. Но предполагать, будто бы конкуренция на самом деле имеет столь неограниченную силу, значило бы придерживаться совершенно превратного представления о действительном ходе человеческих дел... Я говорю о тех случаях... в которых результат определяется все-таки не конкуренцией, а обычаем или привычкой, а конкуренция либо вовсе не имеет места, либо проявляется образом, совершенно отличающимся от того, какой обычно считают для нее естественным»⁴⁰.

Впрочем, отсутствие институтов в категориальной сетке теории не исключало их косвенного присутствия в самой теории через интерпретацию отдельных понятий.

Так, в классической политической экономии институциональное начало вводилось через классовую дифференциацию поведенческих стереотипов. Предполагалось, что рабочие тратят весь свой доход (заработную плату) на стандартные потребительские блага; земельные собственники также тратят весь свой доход (ренду) на потребление с той разницей, что их спрос подвижен и трудно предсказуем; наконец, капиталисты — единственный класс, который значительную часть своего дохода (прибыли) инвестирует. Это представление было далее развито Карлом Марксом, который показал, что классовое деление общества и соответствующие ему нормы поведения могут устойчиво воспроизводиться. Или, иными словами, что в процессе экономической деятельности вместе и наряду с материальными условиями производства воспроизводятся также производственные отношения — определенные институциональные структуры, в рамках которых такая деятельность протекает.

С развитием общества границы между классами частично размывались, и прежние допущения теряли убедительность. В маржиналистской картине экономической реальности социальная типология экономических агентов не играла существенной роли, а их разделение на покупателей и продавцов, потребителей и производителей было скорее функциональным, чем онтологическим, по своему характеру. Здесь институциональные факторы получили теоретическое выражение главным образом в виде разнообразия рыночных структур, каждая из которых навязывала экономическим агентам свою логику поведения. Подобное «расширение» базовой теории не противоречило, однако, общему подходу, согласно которому только один тип структуры — конкурентный рынок — считался нормой, а иные рыночные структуры рассматривались не иначе, как отклонения от нее.

Именно этот принцип стал объектом критики Т. Веблена — лидера первой институциональной волны в экономической науке. Свой эволюционный подход он рассматривал как альтернативу практике экономистов «обсуждать конкретные факты жизни с точки зрения степени их приближения к нормальному случаю»⁴¹. Это не было попыткой встряхнуть

⁴⁰ Милль Д. С. Основы политической экономии с некоторым приложением к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 308–309. Сформулированная Миллем дилемма «научная строгость или реальный учет институциональных факторов» отразила положение дел в политической экономии середины XIX в., когда классическая политэкономия стала объектом критики со стороны исторической школы.

⁴¹ Veblen T. The preconceptions of economic science. Part III // Quarterly Journal of Economics. 1900/ Vol. XIV (цит. по: Veblen T. The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays. NY: Russell and Russell. 1961. P. 164).

институты в стандартную для экономистов равновесную картину экономической реальности. Веблена интересовали не конкретные решения, принимаемые экономическими агентами, а устойчивые стереотипы их поведения («привычный образ мысли»); не функционирование рынка в некоторой сложившейся институциональной среде, а развитие общества как развитие институтов⁴²; не конечный пункт движения экономической системы, а «кумулятивно развертывающийся процесс»⁴³ (т.е. то, как формируется сама траектория развития). Экономика представлялась Веблену — по примеру эволюционной биологии — множеством институтов, которое постепенно, через механизм естественного отбора, эволюционирует по мере приспособления к изменчивым условиям внешней среды. Однако намеченную исследовательскую программу ни Веблену, ни его последователям осуществить не удалось⁴⁴. Теории институциональных изменений не получилось, и первая институциональная волна пошла на убыль, не выйдя за пределы отдельной научной школы. В результате вынесение институтов за рамки теории в мейнстриме экономической науки закрепилось в качестве общепринятой нормы, получившей выражение в противопоставлениях «теоретической экономики» — «институциональной экономике» (О. Ланге⁴⁵) или «экономической теории» — «экономической социологии» (Й. Шумпетер⁴⁶).

Результат не замедлил себя ждать. По оценке одного из ранних исследователей второй институциональной волны в экономической науке Л. де Алесси, «вооруженные средствами математики и логики, включая хорошо наточенную бритву Оккама, поколения экономистов постепенно придавали экономической теории все более формальный, строгий вид, концентрируя свое внимание на поведении идеализированных переменных в сугубо абстрактных условиях. По ходу этого процесса теория лишилась всякого институционального содержания. К 50-м гг. XX в. было принято считать, что все права по использованию ресурсов полностью распределены, находятся в частных руках и обмениваются с нулевыми транзакционными издержками. Маршаллианский „мотор исследования“ стал вещью неземной красоты, но все более ограниченной полезности в его применении к тем эмпирическим явлениям, объяснять которые он был предназначен»⁴⁷.

Именно на таком теоретическом фоне возник тот странный на первый взгляд вопрос Р. Коуза, который впоследствии и породил вторую институциональную волну — вопрос о «причине появления фирм в экономике, строящейся на специализации и обмене»⁴⁸. Тогдашняя «чистая» теория не имела на него ответа. В ее картине экономической реальности фирма не отличалась от индивидуального производителя, была избыточным элементом. Ответ Коуза на поставленный вопрос сводился, как известно, к тому, что институт фирмы способен обеспечить экономию

⁴² Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 201.

⁴³ Veblen T. The preconceptions of economic science / Op. cit. P. 173.

⁴⁴ Подробнее см.: Ананьин О. Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // Вопросы экономики. 1999. № 11.

⁴⁵ Lange O. The scope and method of economics // Review of Economic Studies. 1945–1946. Vol. XIII(1). No 33.

⁴⁶ Шумпетер Й.А. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001.

⁴⁷ De Alessi L. Form, substance, and welfare comparisons in the analysis of institutions // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1991. Vol. 146. No 1. P. 6.

⁴⁸ Коуз Р. Природа фирмы (1937) / Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 37.

ресурсов за счет замещения части рыночных сделок внутрифирменными транзакциями. Из выводов Коуза вытекало, как минимум, два следствия.

Первое. «Правильная» экономическая система — совершенно конкурентный рынок — теряет часть своих достоинств, как только экономист решается принять в расчет издержки, сопутствующие рыночным сделкам.

Второе. Область выбора экономического агента не ограничивается выбором товара для покупателя или продавца, у которого этот товар можно купить, и включает также выбор институциональной формы, в рамках которой он намерен действовать.

Так Коуз открыл путь к созданию *новой институциональной экономики* — корпуса знаний о принципах рационального выбора институциональных форм в условиях, не соответствующих предпосылкам совершенно конкурентного рынка. Если учесть, что на практике как раз такие условия и преобладают, речь шла о существенном приближении теории к реальности.

На схеме кругооборота экономической деятельности (см. рис. 2) новый институционализм можно представить как еще один шаг против часовой стрелки. Как переход от анализа экономического поведения к исследованию условий, мотивирующих и потому в значительной мере предопределяющих такое поведение.

В этот раз институты вводились в экономическую теорию, пусть в нарушение некоторых постулатов мейнстрима, но в целом на его языке и в его логике. Результатом было признание научного сообщества, о чем свидетельствуют четыре Нобелевские премии лидерам новой институциональной экономики — сначала Р. Коузу (1991) и Д. Норту (1993), затем — О. Уильямсону и Э. Острому (2009). Более того, следом за второй волной в экономическую науку пришла третья, еще более мощная институциональная волна. С конца 1990-х гг. и в нулевые годы нового века институциональные исследования перестали быть уделом немногих энтузиастов и вошли в научную моду. Именно в этот период Мировой Банк, отступая от канонов «вашингтонского консенсуса», признал, что выполнение рынком своих функций *невозможно без поддерживающих его институтов*⁴⁹. А в Гарварде — форпосте экономического мейнстрима — развернулись масштабные эмпирические исследования влияния институтов на экономическое развитие⁵⁰. Такой поворот событий мог бы показаться неким хэппи-эндом, наконец-то ознаменовавшим появление в корпусе экономического знания полноценной институциональной составляющей. Но такой вывод был бы преувеличением.

Дуглас Норт об онтологической природе институтов

Инициативу в разъяснении сложившейся ситуации взял на себя Д. Норт — одно из главных действующих лиц второй институциональной

⁴⁹ См.: Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. М. 1997; Доклад о мировом развитии 2002: Создание институциональных основ рыночной экономики. М. 2002.

⁵⁰ См., напр.: Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. The new comparative economics. // Journal of Comparative Economics, 2003. Vol. 31. No 4; La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Investor Protection and Corporate Valuation // The Journal of Finance, 2002. Vol. 57. No 3. Обзор данного направления исследований содержится в работе: Радыгин А., Энтов Р. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) // Вопросы экономики. 2008. № 8.

волны. «Это достаточно курьезно, — отмечал он в 1997 г., — что институты стали ныне первым и главным пунктом всех объяснений наличия или отсутствия роста в третьем мире и переходных экономиках; ведь объяснения эти лишены аналитического содержания и не несут в себе понимания ни природы институтов, ни путей их эволюции»⁵¹. Такое положение, по мнению Норта, не случайно: «Экономическая парадигма — неоклассическая теория — создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений... Попытка разобраться в экономических, политических, социальных изменениях... требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли»⁵².

Свою критику Норт обращает прежде всего против предпосылки рациональности, некритическое принятие которой «делает обществоведов беспомощными при столкновении с большинством крупных проблем. Допущение рациональности не является ошибочным, но его принятие с самого начала закрывает возможность более глубокого понимания процесса принятия решения в ситуации противостояния неопределенности созданного нами сложного мира»⁵³. Поясняя далее эту мысль, Норт пишет: «Экономика является теорией выбора: с этим положением никто не спорит. Однако эта дисциплина отказывается от изучения того контекста, в котором делается выбор»⁵⁴. Последняя мысль в устах представителя новой институциональной экономики может показаться неожиданной — разве не институциональный и информационный контексты принятия решений определяют тематическую специфику данного направления экономической науки? Однако Норт смотрит на проблему шире. Он интересуется не статикой, а *динамикой экономических процессов*, и в связи с этим его беспокоит разобщенность наук, изучающих среду человеческого поведения. А это имеет отношение и к новой институциональной экономике, которая, по его оценке, также «останавливается на полпути»⁵⁵.

В этих условиях, считает Норт, «основное внимание мы должны уделить вопросу обучения», причем речь идет не столько о «накоплении индивидуумом опыта в течение своей жизни», сколько об освоении «совокупного опыта прошлых поколений». «Совокупные знания общества, воплощенные в языке, человеческой памяти и системах хранения символов, состоят из верований⁵⁶, мифов, обычаев, которые составляют культуру общества»⁵⁷. Этот пункт — *главная логическая развилка*, где Норт разошелся с преобладающей среди экономистов традицией в понимании человеческого поведения. Опираясь на исследования философа-когнитивиста Энди Кларка, он недвусмысленно дистанцировался от «индивидуалистической концепции познания, в соответствии с которой работа, связанная с принятием решений, происходит в голове индиви-

⁵¹ North D. Some fundamental puzzles in economic history/development / Economy as an Evolving Complex System II. Ed. by B. Arthur, S. Durlauf, and D. Lane. Addison-Wesley. 1997. P. 225.

⁵² Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. С. 7.

⁵³ Там же. С. 19–20 (перевод уточнен).

⁵⁴ Там же. С. 25.

⁵⁵ Там же. С. 11.

⁵⁶ В оригинале — «*beliefs*», что точнее перевести как «убеждения».

⁵⁷ Там же. С. 9.

да», и солидаризировался с альтернативной позицией, согласно которой «значительная часть этой работы выполняется институциональными структурами общества». Соответственно, рациональные решения оказались, с этой позиции, «продуктом убеждений, конкретным выражением которых служат социальные институты и другие культурные символы. Наиболее полную характеристику того, как работает такая концепция, мы находим в культурной антропологии»⁵⁸. Как результат, лейтмотивом работ Норта последних 15 лет стала мысль о том, что «экономический анализ должен брать в расчет когнитивные эффекты убеждений (*beliefs*), заданные культурой»⁵⁹.

Этот когнитивно-культурологический поворот был встречен коллегами-экономистами с настороженностью, что не удивительно. Экономическая теория, как отмечалось, лишь отчасти и только в самое последнее время смирилась с необходимостью введения в свою онтологию институтов, которые можно интерпретировать как фиксацию совокупности норм и правил, регулирующих поведение, т.е. как некую *статику* культуры. *Динамика* же культуры — процессы и механизмы поддержания и созидания культурных образцов — никогда, по-видимому, не попадала в поле зрения экономистов-теоретиков. В отношении основного корпуса экономико-теоретического знания иного и быть не могло, хотя бы в силу принципа равновесия, лежащего в его основе. Но это верно и применительно к теориям экономического развития. Они строились либо на основе стандартных статичных концепций, неявно предполагающих неизменность институциональных рамок экономической деятельности (большинство теорий экономического роста), либо на эволюционном принципе, теоретически описывающем лишь адаптационные процессы, посредством которых экономическая система реагирует на теоретически не объясняемые события, или шоки — будь-то технические изобретения, политические революции или социокультурные сдвиги. Сюда можно отнести широкий спектр концепций от К. Маркса до Й. Шумпетера, отводивших важную роль субъективному фактору: организованности пролетариата — у Маркса, психологии предпринимателя-новатора — у Шумпетера. Наконец, культурные факторы могли принимать мистическую форму («дух нации») или постулироваться как историческая данность, но в любом случае оставались без должного осмысления.

Для Дугласа Норта восполнение этого пробела — ключевая нерешенная задача: «Понимание — необходимая предпосылка, которой не хватает экономисту, стремящемуся создать модель экономического роста и экономических изменений. Нам еще далеко до полного понимания этого процесса, и до тех пор, пока мы не пройдем путь до конца, нам не удастся заметно улучшить результаты экономической деятельности»⁶⁰.

Масштабность исследовательской задачи, которую Норт ставит перед экономической наукой, требует осмысления. Фактически речь идет о *более радикальной революции*, нежели маржиналистская. Последняя перефоку-

⁵⁸ Knight J. and North D. Explaining economic change. The interplay between cognition and institutions // *Legal Theory*. 1997. Vol. 8. P. 218.

⁵⁹ Ibid., p. 217. Подробнее об эволюции взглядов Д. Норта см.: Vandenberg P. North's institutionalism and the prospect of combining theoretical approaches // *Cambridge Journal of Economics*. 2002. Vol. 26. No 2. P. 217–235; Brownlow G.A. Structure and change: Douglass North's economics // *Journal of Economic Methodology*. 2010. Vol. 17. No 3. P. 301–316.

⁶⁰ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. С. 10 (перевод уточнен).

сировала внимание на причинно-следственные связи, которые ранее не были непосредственным предметом изучения, но неявно все же предполагались – рациональность поведения была общей точкой отсчета и для классиков и для маржиналистов. Когнитивно-культурологический поворот требует введения в картину экономической реальности качественно новой причинно-следственной цепочки, связанной с поддержанием культурных кодов, составляющих содержание институциональной среды экономической деятельности. В этом случае схему экономической деятельности как простого цикла «решения – продукт – условия» (см. рис. 2) необходимо развернуть в спираль, на каждом новом витке которой условия деятельности детерминируются двойко. Их материальный субстрат воспроизводится за счет распределения общественного продукта по правилам, заданным культурной матрицей, и одновременно сама эта матрица поддерживается и модифицируется механизмами культурного наследования (см. рис. 3).

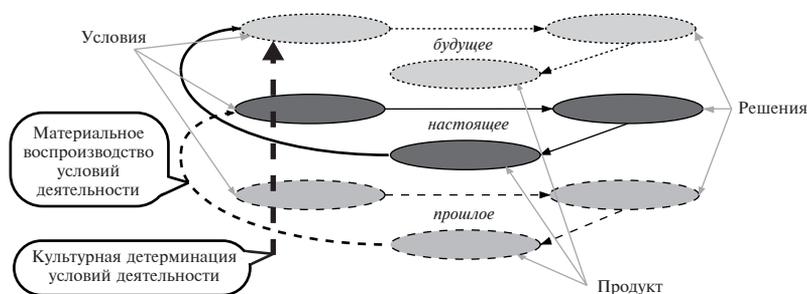

Рис. 3. Спираль экономического развития

Институты: онтология и реальность

Институты и есть те механизмы, посредством которых происходит трансляция культурных норм, их поддержание и адаптация. Правда, сама эта констатация мало продвигает вперед, поскольку не раскрывает способа функционирования институтов.

В экономической литературе институт стандартно определяется как «набор формальных и неформальных правил, включая устройства, которые обеспечивают их соблюдение»⁶¹. Уже в самом определении присутствуют два разнокачественных начала: правила и обеспечение этих правил.

Если институты-правила – это интерсубъективная реальность, существующая в головах разных людей и воплощаемая в их поступках (решениях, действиях), т.е. некоторые общепринятые стереотипы поведения, то деятельность по обеспечению таких правил – вполне осязаемая (в т.ч. материальная деятельность, включающая акты поощрения и наказания, вплоть до применения силы). Чтобы функционировала первая – интерсубъективная – составляющая института, нужно, чтобы соответствующим

⁶¹ *Schmoller G.* Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Munich und Leipzig: Duncker und Humblt.1900. P. 61 (цит. по: *Фуруботн Э.Г. и Рихтер Р.* Институты и экономическая теория. СПб: ИД СПбГУ, 2005. С. 8). Эта дефиниция замечательна тем, что выдержала испытание временем: она принадлежит лидеру немецкой исторической школы Г. Шмоллеру, но воспроизведена в качестве определения «института» в современном учебнике по институциональной экономике.

шее правило было усвоено людьми, закрепились как убеждение, стало рутинной реакцией на определенные обстоятельства. Для функционирования второй – объективной – составляющей института, нужна постоянно действующая организация, наделенная ресурсами и соответствующими властными полномочиями.

Следует подчеркнуть, что не всякая организация представляет собой компоненту института. Большинство организаций – *всего лишь объекты* институционального регулирования. Составной частью института выступает только та организация, функция которой – контролировать и обеспечивать соблюдение определенного правила субъектами деятельности, будь то индивиды или организации. Такое разграничение может оказаться полезным в свете известного спора о соотношении институтов и организаций: организации не тождественны институтам, но институты не могут существовать без специальных организаций, обеспечивающих их нормальное функционирование.

Обычно предполагается, что функцию поддержания институтов-правил осуществляет государство, подобно тому, как государственные правоохранительные органы следят за правопорядком. Однако даже в случае правовых институтов их организационную поддержку обеспечивают не только государственные органы, но и профессиональные корпорации, скажем, коллегии адвокатов. Феномен профессий изучается политологами и социологами⁶², но редко попадает в поле зрения экономистов. Между тем «профессии представляют собой *третий* механизм координации деятельности, который отличается как от рыночного, так и от иерархического»⁶³. Выработка норм и правил профессиональной деятельности, контроль за их выполнением во многих профессиях реализуется внутри самих корпораций силами тех же коллегий адвокатов и нотариусов, медицинских ассоциаций, научных, инженерных и др. сообществ. За государством в этих условиях остается придание таким правилам правового статуса (путем лицензирования и др. подобных процедур) и исполнение финансовых обязательств, в той мере, в какой они этими правилами заданы.

Подобные ассоциации, как правило, действуют в тесном контакте с системой профессионального образования, через которую рекрутируются новые члены корпорации и транслируются, вместе с профессиональными знаниями, ее нормы и правила. Венцом профессионально-корпоративной организации выступают профессиональные этические кодексы, призванные формировать как ценностные установки специалистов, так и общественные ожидания в отношении представителей данной профессии. В результате в рамках профессии «судья, врач, университетский профессор не встроены в систему бюрократического подчинения. С другой стороны, отношения врача с пациентом или студента с профессором не рыночные потому, что ни пациент, ни студент не могут квалифицированно судить о качестве услуги, предоставляемой врачом

⁶² См., напр.: *Brint S.* In an Age of Experts. The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life. Princeton: Princeton University Press. 1994; *McDowell B.* Ethics and Excuses: The Crisis in Professional Responsibility. Westport: Quorum Books. 2000; *Thompson D.F.* Restoring Responsibility. Ethics in Government, Business, and Healthcare. Cambridge: Cambridge University Press. 2005; *Huberts L.W.J.C.* e.a. (eds). Ethics and Integrity of Governance: Perspectives across Frontiers. Cheltenham: Edward Elgar. 2008.

⁶³ *Широнин В.* Институты и инновации: взгляд когнитивной науки // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 49.

или профессором. Качество в этом случае обеспечивается механизмами социализации и контроля *внутри* профессии, которая по отношению ко всему обществу выступает как единое целое»⁶⁴.

Выведение деятельности профессиональных корпораций из-под непосредственной власти, как рынка, так и государственной иерархии — залог устойчивости институтов и, как следствие, предпосылка ответственного отношения специалистов к своему делу. Профессионал, который лишен поддержки корпорации или считает себя свободным от ее правил, скорее пойдет на компромисс с рыночными, как правило, краткосрочными критериями, с одной стороны, или аргументами политической целесообразности — с другой. Есть, правда, и обратная сторона медали, связанная с риском превращения корпорации в орудие защиты цеховых интересов и привилегий. Поэтому профессионально-корпоративная модель функционирования институтов действительна лишь до тех пор, пока соответствующая профессия пользуется доверием со стороны общества. Его утрата — основание для общественного, в т.ч. государственного вмешательства.

Двойственность институтов означает, что они имеют не только идеальную размерность (правила, нормы), но и «живую плоть». Что они служат не только рамками, направляющими экономическую деятельность, но и ее составной частью; что режим функционирования этой профессионально-корпоративной части отличается от режима функционирования остальной экономики.

Если сам принцип корпоративной организации восходит, как минимум, к средневековым цехам, то асимметричная структура, сочетающая доминирующий рыночный сектор и малый профессионально-корпоративный — это продукт капиталистической эпохи. В развитых рыночных экономиках такая модель сформировалась в конце XIX — начале XX в.⁶⁵ Однако во второй половине XX в. она подверглась существенной эрозии.

Долгосрочные тенденции к относительному росту размеров государственного аппарата, доли в структуре экономической деятельности таких секторов, как наука, образование и здравоохранение, требовали существенного расширения профессионально-корпоративного сегмента экономики *в ущерб рыночному* и, как следствие, интенсификации перераспределительных процессов. Неоконсервативная волна последних десятилетий XX в. *стала реакцией на эти тенденции*. В ее рамках получила обоснование альтернативная — неолиберальная — стратегия на расширение сферы рыночного регулирования, в т.ч. за счет вовлечения в нее тех видов деятельности, которые ранее относились к профессионально-корпоративной сфере.

Процессы «орыночивания» затронули образование, здравоохранение и даже многие сектора государственных услуг. В основе этой стратегии лежала вера в эффективность рыночных регуляторов независимо от сферы их применения. При этом роль профессиональных корпораций как гарантов институциональной стабильности общества оказалась явно недооцененной. В итоге, как показывают новейшие исследования, эрозия профессионально-корпоративной модели функционирования институтов вызвала ряд негативных тенденций.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Brint S. In an Age of Experts. The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life. Princeton: Princeton University Press. 1994. P. 30–38.

Во-первых, профессиональное знание стало все активнее замещаться экспертным знанием. Если для первого приоритетными ценностями были компетентность и поддержание авторитета профессии, то для второго на первый план вышли краткосрочная экономическая эффективность и ответственность перед клиентом⁶⁶.

Во-вторых, снизилась этическая планка в работе специалиста. В его самосознании ценностные установки на служение обществу все больше замещаются стандартными установками наемного работника. Так, в науке эта тенденция находит выражение в том, что университетские исследователи проявляют меньшую, чем прежде, склонность к высокорисковым фундаментальным исследованиям и все чаще предпочитают темы с гарантированным результатом⁶⁷.

В-третьих, наблюдается тенденция к снижению профессиональной ответственности специалистов. Профессионалы все чаще склонны объяснять свои решения требованиями конкурентной среды и отождествлять этичность своих действий с их законностью⁶⁸.

В-четвертых, на государственной службе (даже в такой стране, как Великобритания, с ее традицией профессионального госаппарата) политика последних десятилетий, направленная на создание разного рода агентств, привела к фрагментации государственной службы и ослаблению привязки специалистов к их месту работы⁶⁹.

Общий знаменатель таких тенденций – упрощение структуры экономической деятельности, ослабление или ликвидация ее стратегических звеньев, отвечающих за институциональную стабильность и культурную преемственность. Можно, по-видимому, говорить о новом витке более общей тенденции, на которую в свое время указал Йозеф Шумпетер: «Разрушая докапиталистический каркас общества, капитализм таким образом сломал не только преграды, мешавшие его прогрессу, но и те опоры, на которых он сам держался. Этот процесс, внушительный в своей неумолимой неизбежности, заключался не просто в расчистке институционального сухостоя, но и в устранении партнеров капиталистического класса, симбиоз с которыми был существенным элементом капиталистической системы»⁷⁰.

В XIX – начале XX в. профессиональные корпорации выполняли примерно ту же роль, что и «докапиталистический каркас». Но теории капитализма имели тенденцию абстрагироваться от подобных «посторонних» элементов. Они не попадали в «правильную» картину экономической реальности и тем самым подталкивали снова и снова наступать на одни и те же грабли. Вероятно, *назрела потребность в обновлении картины экономической реальности*. И вектор, намеченный когнитивно-культурологическим поворотом Дугласа Норта, – радикальный, но перспективный путь к решению этой задачи.

⁶⁶ Ibidem, p.15–17.

⁶⁷ Ibidem, p. 125.

⁶⁸ McDowell B. Ethics and Excuses: The Crisis in Professional Responsibility. Quorum Books: Westport. 2000. P. 133.

⁶⁹ Vandenaabeele W. and Horton S. The evolution of British public service ethos: a historical institutional approach to explaining continuity and change / Leo W.J.C. e.a. (eds). Ethics and Integrity of Governance: Perspectives across Frontiers. Cheltenham: Edward Elgar. 2008. P. 17.

⁷⁰ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 349.